

Среди респондентов с Интернет-аддикцией более чем у трети (35,7 %) был выявлен высокий уровень одиночества, у 41,7 % и 20,6 % средний и низкий, соответственно. Также можно отметить, что только около трети Интернет-зависимых респондентов (31,5 %) удовлетворены своей социальной поддержкой, 43,7 % – семьей и значимыми близкими, 10,2 % – поддержкой со стороны семьи, 6 % – поддержкой со стороны друзей.

Практически у всех респондентов с высоким уровнем одиночества была выявлена неудовлетворенность социальной поддержкой со стороны семьи и значимых близких. У большинства этих респондентов были выявлены Интернет-аддикция или склонность к ней. Мы можем предположить, что неудовлетворенность социальной поддержкой, зависимость от Интернета и переживание чувства одиночества взаимосвязаны. Таким образом, профилактика Интернет-зависимости, как и многих других форм аддиктивного поведения должна носить комплексный характер и учитывать субъективную оценку личности удовлетворенности социальными контактами и поддержки.

Литература

- 1 Большой психологический словарь / Авдеева, Н. Н. и др. под ред., Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко – СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-пресс, 2003. – 666 с.
- 2 Вердербер, Р. Психология общения: полный курс / Р. Вердербер, К. Вердербер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2010. – 416 с.
- 3 Лебедев, В. И. Психология и психопатология одиночества / В. И. Лебедев, О. Н. Кузнецов. – М.: Медицина, 1997. – 354 с.
- 4 Волков, Б. С. Психология подростков / Б. С. Волков. – СПб.: Питер, 2010. – 240 с.
- 5 Кучеренко, В. В. Измененные состояния сознания: психологический анализ / В. В. Кучеренко, В. Ф. Петренко, А. В. Госохин // Вопросы психологии. 1998. – № 3. – С. 70–78.
- 6 Гриффит, М. Интернет-аддикции: за и против / М. Гриффит // Психолог. 1999. – № 5. – С. 246–250.
- 7 Вересаева, О. Психология и интернет на пороге XXI века / О. Вересаева // Психологическая газета. 1996 – № 12 – 4 с.
- 8 Ландэ, Д. В. Феномены современных информационных потоков / Д. В. Ландэ, А. Б. Литвин // Сети и бизнес. 2001. № 1. – С. 14–21.
- 9 Егоров, А. Ю. Нехимические зависимости / А. Ю. Егоров – СПб.: Речь, 2007. – 190 с.
- 10 Жичкина, А. Н. Социально-психологические аспекты общения в Интернет / А. Н. Жичкина – М.: Дашков и Ко, 2004 – 117 с.

УДК 821.161.1–31*А.С. Пушкин:2-133.3

М. Д. Ткаченко

РОЛЬ ЧИСЕЛ В ЦИКЛЕ А. С. ПУШКИНА «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»

Статья посвящена осмыслению символики чисел в цикле А. С. Пушкина «Повести Белкина». Выявлены и проанализированы объективные и контекстуальные мотивы введения чисел в пространство художественных текстов. Рассмотрены некоторые культурные реалии современности А. С. Пушкина, дающие представление о функции чисел в повседневной жизни его эпохи.

«Повести покойного Ивана Петровича Белкина» – первое завершённое прозаическое произведение Александра Сергеевича Пушкина, цикл, состоящий из пяти повестей и выпущенный им без указания имени настоящего автора, то есть самого Пушкина. Отличительной чертой этого цикла является гармоничное сочетание традиций классической и беллетристической литературы.

Характер этого взаимодействия достаточно сложен и стал предметом продолжительных споров. На протяжении нескольких десятилетий преобладала точка зрения, согласно которой Пушкин осуществлял в «Повестях Белкина» пародийно-полюемическое преодоление, даже отрицание всех уже сложившихся или формирующихся в русской прозе беллетристических традиций. Однако с 1960–х годов эта концепция начинает терять своих сторонников, и сегодня уже намного более убедительной представляется мысль, что в «Повестях Белкина» Пушкин стремился не к отрицанию шаблонных (или шаблонизированных) форм «низовой» литературы, а к их «воскрешающему» обновлению – в первую очередь, к их освобождению от всего устаревшего и к активизации их возможностей, способных удовлетворить новым и более высоким требованиям [1, с. 65].

Числа в цикле А. С. Пушкина были введены с двумя основными целями: объективной, когда число играло роль, обусловленную сюжетом и временем без всякого двусмысленного контекста, например, при обозначении количества, порядка и прочее; а также с целью символической нагрузки, то есть, под видимостью нейтрального, объективного числа скрывалось число, символизирующее то или иное понятие, тайный смысл, скрытое послание.

Обратившись к повести «Выстрел» из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», в сюжете которой автор обращается к дуэли и её традиции, мы обнаружим, что некоторые числа, столь легко читаемые современниками той эпохи, в наше время несколько утратили своё первоначальное значение, в связи с тем, что традиция дуэли давно окончилась. Поэтому числа, встречающиеся в данной повести, кажутся, на первый взгляд, абсолютно случайными, но, на самом деле, они просто объясняют детали повествования. Так, например, в том моменте, когда Сильвио должен был вызвать на дуэль молодого офицера, но не сделал этого, приводится следующая цифра: «Прошло три дня, поручик был еще жив» [2, с. 67]. В примечаниях к «Повестям Белкина» написано, что по существовавшей традиции поединок должен состояться в течение трех суток с момента оскорбления. В повести имеется ещё несколько числовых деталей, свидетельствующих о чётких рамках поведения на дуэли, впрочем, весьма неопределённых в пушкинское время (первый «узаконенный» дуэльный кодекс появился во Франции в 1836 году) [3].

«Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами... Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом» [2, с. 69]. По правилам дуэли, каждый противник должен был выбрать себе двух секундантов; по-видимому, умышленно нарушая это правило, граф тем самым демонстрировал свое неуважение, а может быть, и презрение к противнику, который спровоцировал дуэль, удовлетворяя свое уязвленное самолюбие и опустившись до «плоской грубости», за что и получил пощечину [3]. Далее следует такая деталь: «Секунданты отмерили нам двенадцать шагов» [2, с. 69]. В пушкинское время расстояние в 12 шагов считалось в России средним (в Европе дуэль на пистолетах менее чем с 25 шагов считалась исключительной).

Также в данном моменте мы обнаруживаем совпадение с реальным случаем из жизни поэта. Так, с расстояния в двенадцать шагов Пушкин стрелялся с полковником Старовым [3].

«Мне должно было стрелять первому: но волнение злобы во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки, и чтобы дать себе время остыть, уступал

ему первый выстрел; противник мой не соглашался» [2, с. 69]. – Право первого выстрела не было безусловным, а отказ от него хотя и требовал известного хладнокровия, все же не был жестом чистого благородства: опытные дуэлянты, даже рискуя быть убитыми, не стремились стрелять первыми; в случае промаха противника они могли сами подойти к барьеру и подозвать к нему противника, чтобы спокойно расстрелять его с меньшего расстояния [3].

Помимо числового описания дуэли, в данном тексте имеется и хронологическая нить, но довольно размытая и не играющая важной роли, хотя и обозначенная числом: «Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив» [2, с. 68]. В примечаниях к циклу повестей сказано, что хронология событий может быть восстановлена предположительно, так как автор не уделил ей должного внимания. Далее следует такое исследование событий: Сильвио принимал участие в битве под Скулянами, где 16 и 17 июня 1821 года греческая армия князя Георгия Кантакузина была разгромлена турками. Следовательно, вторая дуэль с графом состоялась раньше, вероятно летом 1820 г., так как в сражении под Скулянами Сильвио уже командовал отрядом этеристов, то есть был членом тайной революционной организации, во главе которой с марта 1820 года стоял генерал-майор русской службы Александр Ипсиланти. С лета 1820 г. он активизировал усилия по подготовке восстания. Стать членом этерии можно было, лишь заслужив доверие ее руководителей и пройдя ритуал посвящения.

В таком случае первую дуэль между графом и Сильвио нужно датировать весной 1814 года, так как между поединками прошло шесть лет.

Лето 1820 г. – женитьба графа и графини Б*** и вторая дуэль между графом и Сильвио.

16–17 июня 1821 г. сражение под Скулянами, где, по слухам, погиб Сильвио.

Лето 1825 г. – встреча рассказчика с графом и его женой – через пять лет после их свадьбы.

Однако не меньшего внимания заслуживает и предположение о том, что первая дуэль между графом и Сильвио произошла в 1808 или в 1809 году, а вторая – не ранее 1815 г. Такая датировка событий ведет к выводу о том, что во время Отечественной войны 1812 года Сильвио сидел в захолустье и, «героически» смиряя свои страсти, «выслеживал» графа [3].

В «Станционном смотрителе» А. С. Пушкин знакомит нас с деталями бытовых реалий России того времени: «Находился я в мелком чине, ехал на перекладных, и платил прогоны за две лошади» [4, с. 98]. Количество лошадей регламентировалось чином проезжего: две лошади полагалось нижним чинам; три – чиновнику десятого класса; чиновник второго класса имел право на пятнадцать лошадей, а первого – на двадцать [3].

Если в повестях «Выстрел» и «Станционный смотритель» числа по объективным причинам объясняли традиции русской эпохи и были естественны при прочтении для современников тех событий, то в повести «Метель» можно встретить и иронию А. С. Пушкина над символикой романтизма, и числовой подтекст, указывающий на юмористический характер произведения. Так, в моменте, когда Марья Гавриловна написала два прощальных письма, автором введена одна интересная деталь: «Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью...» [5, с. 78]. Пушкин этим примером демонстрирует бытовавший в провинциальной среде стереотипный эмблематический образ – символ любовного чувства; поэтическое клише, штамп, вызывавший у поэта легкую, но неизменную иронию [3].

Далее следует ироническая характеристика Пушкиным трёх свидетелей, выбранных Владимиром: «Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою... В самом деле тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах, и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы» [5, с. 79], – Корнет – младший, 13-го класса обер-офицерский

чин в кавалерии; дворянин получал его после трех лет службы. То, что Дравин вышел в отставку корнетом, характеризует его как человека, склонного к «гусарским проказам» и даже в сорок лет достаточно легкомысленного.

Третий свидетель предстоящего бракосочетания так же мало подходил для этой роли, как и два предыдущих [3].

Также к многочисленным ироническим посланиям поэта является признание-клише Бурмина Марье Гавриловне, которым автор отсылает нас к фрагменту из другого произведения – романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»: «Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux» [5, с. 85]. А именно, имеются в виду следующие строки: «Между тем я вас вижу ежедневно и замечаю, что вы, сами того не ведая, невинно обостряете мои страдания, о которых не можете сожалеть и которых не должны знать» [3].

В повести «Гробовщик» А. С. Пушкин с помощью деталей также иронизирует по поводу числовой символики, указывающей на готическую повесть.

«Сии размышления были прерваны нечаянно тремя франмасонскими ударами в дверь» [6, с. 90]. – Автор указывает на пародирование масонского ритуала, в котором число 3 имеет важное мистическое значение: орден имел тройную цель: 1) сохранение и передача потомству тайного знания; 2) нравственное исправление и совершенствование членов ордена и 3) всего рода человеческого. Коренными степенями масонства считаются три: ученическая, товарищеская и мастерская; обрядовые книги масоны держали «под тремя замками, под тремя ключами»; в черной храмине, где посвящали в масоны профанов, с потолка свешивался «ламппад треугольный», в котором три свечи давали «свет трисиянный», и т. д. Троекратный стук в дверь, являясь условным знаком, символизировал «три слова евангельских»: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам».

По троекратному стуку в дверь, похожему на масонский, узнавали друг друга в романе В. Скотта «Вудсток» роялисты, сторонники короля и монархии, любившие собираться в дешевых пивных. Комизм и пародийный характер ситуации определяется невозможностью представить сапожника Готлиба Шульца ни масоном, ни роялистом [3].

Таким образом, в повестях «Метель» и «Гробовщик» А. С. Пушкин в своём использовании чисел как бы сочетает их объективную и символическую роль, не придавая им большого значения, но одновременно подчёркивая в числах их двойную семантику.

В заключение следует отметить, что числовая семантика повестей из цикла А. С. Пушкина «Повести Белкина» раскрывается только при изучении особенностей русской культуры, современной поэту, так как данный цикл оказался первым произведением русской прозы, обладающим всеми существенными чертами классического искусства, но рожденный в активном взаимодействии с разнообразным беллетристическим окружением [1, с. 65]. В силу особенностей беллетристической литературы, основанной на модных течениях и стереотипах, её сфера – современная для произведения культура, черты которой могут стираться и заменяться новыми, а мода и актуальные проблемы забываются последующими поколениями читателей, поэтому все числовые значения, представленные в данном исследовании, опираются на факты, актуальные читателям пушкинской поры, и в современном контексте утрачивают первоначальные значения.

Литература

1 Маркович, В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст / В. М. Маркович // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1989. – Т. 13. – С. 63–87.

2 Пушкин, А. С. Выстрел / А. С. Пушкин // Полное собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 8. – С. 63–74.

3 Комментарий. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Капитанская дочка // Издательство Просвещение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://prosv.ru/ebooks/lib/19_Pushkin_Povesti/12.html. – Дата доступа: 02.05.2015.

4 Пушкин, А. С. Станционный смотритель / А. С. Пушкин // Полное собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 8. – С. 95–107.

5 Пушкин, А. С. Метель / А. С. Пушкин // Полное собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 8. – С. 75–87.

6 Пушкин, А. С. Гробовщик / А. С. Пушкин // Полное собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 8. – С. 87–94.

УДК 159.923.3:796.073:796.332(476)

Ю. А. Трифонов

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена проблеме формирования личности болельщиков в контексте их причастности к околоспортивной субкультуре. Приводятся особенности околофутбольной субкультуры Беларуси, как фактора формирования личности. Представлены и обобщены результаты эмпирического изучения личностных особенностей футбольных болельщиков.

Возникновение и укрепление околофутбольной субкультуры привело к тому, что и в Республике Беларусь вслед за Великобританией и другими странами появились не только футбольные болельщики, любители данного вида спорта, но футбольные фанаты и футбольные хулиганы, представители которых нередко отличаются крайне агрессивным поведением. Сегодня «фанатское движение» стало неотъемлемой частью футбольной жизни. В свою очередь средства массовой информации чаще всего обращают внимание на объединения футбольных фанатов именно в связи с нарастающей проблемой околофутбольного насилия. В комментариях обычно подчеркивается, что события, связанные с действиями футбольных фанатов, социально опасны и приносят значительный материальный ущерб.

В нашей стране субкультура околофутбольного сообщества и его характеристики фактически не исследованы с научной точки зрения. Как правило, феномен «болельничества» анализировался в контексте решения более общих проблем культурной, включая и физкультурно-спортивную, деятельности населения. Тем не менее, в прессе советского периода все-таки появляется термин «фанат».

В научных работах, связанных с изучением футбольных болельщиков и фанатов, в первую очередь, ставится проблема делинквентности в рамках околофутбольной субкультуры. Это, прежде всего, социологические исследования А. Илле (1999), В. С. Козловой (2005), Т. Б. Щепанской (2001), в которых рассматриваются вопросы асоциального поведения личности в толпе. Еще более жестко данная позиция относительно футбольных фанатов и болельщиков заявлена в юридических исследованиях. В криминологических работах А. А. Мейтина (2005), Д. В. Деккерта и В. А. Мамедова (2006) субкультура футбольных фанатов рассматривается как стимулирующая среда для совершения противоправной и уголовно-наказуемой деятельности, а также как плодотворная почва для образования групп с элементами организованной преступности. Что касается психологической науки, проблема футбольного фанатизма и психологических особенностей футбольных фанатов только обозначена отдельными работами.